

КРАЙ В ЕПОХУ ДИКТАТУР

*Виктор Савченко, доктор исторических наук,
профессор кафедры ОГУВД*

ОДЕССКИЙ ДЕСАНТ (АВГУСТ 1919)

В современной украинской историографии на протяжении последних двадцати лет сложился целый свод неудобных тем, касаемых революционных событий 1917 – 1920 гг., которые «не вписываются» в концепцию «визвольних змагань». Замалчивание историками определенных исторических сюжетов приводит к формированию не только «новой мифологии», но и новых «белых пятен истории». Среди подобных тем особое место занимают военные действия на украинских землях между Вооруженными Силами Юга России (белогвардейцами) и Красной Армией в 1919 - 1920 гг. И «красные», и «белые» стремились к восстановлению империи, к удержанию украинских губерний под властью Москвы. Характеризуя эти силы, трудно дать ответ, какая из них была более «правильная», более «прогрессивная», «демократичная», «народная», «человечная»...

В пятницу 22 августа 1919 г. мало кто из одесситов не мог предположить, что «красная власть» в Одессе доживает свои последние горячечные часы. Большевистские функционеры уже последние два месяца были «как на иголках» - боялись вражеского десанта, прорыва фронта, взрыва народного гнева против «народной диктатуры». С падением Николаева (18 августа 1919 г.), «красное» командование предприняло «самые энергичные меры для того, что бы восстановить фронт по Бугу», однако «стихийная волна, разложившая красноармейцев, распространяется до самой Одессы» [1. 313].

В Одессе по рукам уже «ходили» листовки белогвардейцев: «К Колонистам, Крестьянам и Рабочим!», из которых

следовало, что под Одессой: в Севериновке, Еремеевке, Буяльке (в 15-20 км от города) полыхает крестьянское восстание, а железнодорожные пути перерезаны «белыми партизанскими отрядами»: Н. Ломакина, Ставро, Колесниченко, Любимова, что: «...большие силы добровольцев сухопутным путем и большая эскадра морем идет на город Одессу». Крестьянам окрестностей Одессы, под угрозой объявления «врагами новой власти» предлагалось прекратить подвоз продовольствия в «красный» город [2].

Крестьянское восстание немцев-колонистов, болгар-колонистов, украинских крестьян охватило Юго-Запад Украины, превратив Одессу в голодающую «осажденную крепость». Эта блокада дополнялась разгромом железных дорог, блокадой города с моря судами Антанты, что грозили власти пролетариата жерлами пушек большого калибра с рейда Одесской бухты; «Одесса все время жила на положении эвакуации...» [1. 313]. Район между Николаевом, Одессой и Помошной превратился для власти в повстанческий омут, села этого района в августе 1919 г. контролировали махновцы, повстанцы-белогвардейцы, отряды невыясненной ориентации... Горожане страдали от отсутствия электричества, воды и топлива, от эпидемий и голода. На жителя Одессы по карточной системе полагалась пайка горохового хлеба весом в четверть фунта в день.

Утром 22 августа два английских гидроплана совершали разведку над побережьем Сухого Лимана, но были обстреляны ружейным огнем красноармейцев, охраняющих склады мануфактуры в районе с. Александровка. Один гидроплан был подбит, летчик и наблюдатель были захвачены в плен и увезены на автомобиле в одесскую ЧК. Тогда же на одесской Черноморской улице, №15 собралось тайное совещание лидеров «белых» подпольщиков, для утверждения плана восстания в городе. Заговорщики считали, что их поддержат до 500 офицеров и «активистов» (подполье создали офицеры, не успевшие эвакуироваться в апреле 19-го из Одессы), собранные в подпольных отрядах - «десятках». Каждому такому отряду поручалось дестабилизировать отдельный сектор города. Заговорщики подготовили к от-

правке на фронт неисправные орудия, организовали порчу связи, саботировали приказы о мобилизации. Бывший командующий советским Черноморским флотом в Одессе капитан первого ранга А. И. Шейковский еще в июне-июле 19-го тайно укомплектовал «красные» береговые батареи «спецами» из членов белогвардейского подполья. Заговорщики не без основания рассчитывали, что на их сторону перейдет часть красноармейских частей гарнизона, милиции, где у них были свои агенты. Восстание в городе должно было начаться в момент высадки десанта, по сигналу залпов артиллерии.

Вел тайное совещание «руководитель заговора» (в советской литературе встречается название одесского подполья – «заговора» - «Областной комитет национального объединения») полковник А. Саблин и члены штаба восстания поручик А. Марков (отвечал за взаимодействие с восставшими немцами-колонистами в селах под Одессой), грузинские князья Накашидзе и Челакаев (командиры советского грузинского отряда). В газетной статье «Деятели переворота» о поручике А. Маркове сообщалось, что он принимал участие в восстании крестьян Севериновке и Буялыка «под вымышленным именем», был известен в Одессе по «деятельности в демократических организациях» [3]. Неизвестный участник заговора – автор еще одной статьи «Как произошел переворот» сообщал: «о перевороте осведомлено было много лиц, до 5 тысяч человек. Не знала о перевороте лишь Советская власть...» [3].

«Советская власть» - ЧК узнали о заговоре в городе за сутки до восстания. В два часа дня дом на ул. Черноморской был окружен отрядом чекистов (60 чел.), который и арестовал все «совещание заговорщиков». Поручика А. Маркова и т. н. «грузин» отправили в тюрьму «Особого отдела» ЧК (ул. Троицкая, 1), полковника А. Саблина определили неподалеку в соседнюю тюрьму (ул. Маразлиевская, 36) [3]. Поручику А. Маркову удалось бежать из Особого отдела, он спрыгнул с крыши «отдела» и пытался скрыться в соседнем Александровском парке, но при падении подвернул ногу и не смог далеко убежать, был вновь арестован и возвращен в камеру. С арестом лидеров заговорщиков шансы на успех восстания

в Одессе стали призрачными, тем более, что к этому времени восстание немцев-колонистов, на поддержку которых очень рассчитывали заговорщики, было подавлено.

В ночь на субботу 23-го в городе «...чувствовалась тревога. Усиленные патрули никого не пропускали на Пироговскую улицу без особых пропусков. На улице были расставлены пулеметы, броневик беспрестанно проходил мимо здания штаба. Всю ночь на вокзал, вблизи которого расположен штаб, везли грузы. Утром к штабу была вытребована кавалерия» [4].

22 июля в одесском «Комитете обороны» «красной» Одессы, от советского агента в штабе генерала А. Деникина, были получены, сведения о следовании в Одессу большого «белого» десанта из 30 транспортов, которые сопровождали английский дредноут и несколько крейсеров и миноносцев. Такие сведения об огромном многотысячном десанте были преувеличены (возможно, были дезинформацией) и, скорее всего, фатально повлияли на панику среди «красного командования», которое, исходя из сведений разведки, ожидало десант не менее 5 тысяч штыков.

Однако из «белого» Севастополя вышла эскадра, которой ставилась задача молниеносного захвата Одессы «малыми силами» - десантное подразделение было сбито на основе Крымского конного сводно-драгунского полка корпуса генерала Шиллинга (74 офицера, 841 солдат, при 253 лошадей и 38 повозках) под командованием полковника Давида Туган-Мирза-Барановского. Крымский полк представлял собой недавно образованную, недостаточно надежную часть (2/3 рядового состава полка комплектовалось из лиц, только что взятых по мобилизации: новобранцев из учащейся молодёжи, немцев-колонистов, крымских татар), часть новобранцев была не обучена, большинство солдат «не обстреляны». В полку не было налажено взаимодействие частей, которые были наспех сведены: 4 эскадрона Крымского полка, 2 эскадрона драгунского Новороссийского полка, эскадрон уланского Петроградского полка...

Среди офицеров выделялась группа полковника П. Ф. Вендта (бывшего начальника советской Белорусской бригады, атамана «белых» повстанцев), который в августе 19-го

собрал в Севастополе офицеров-беглецов из Одессы и экипировал их на средства, предоставленные директором Русско-Азиатского банка. Артиллерийская батарея (преданная десанту) опоздала к отходу транспорта и не участвовала в десанте. На десантном транспорте «Маргарита» оказалось много штатских пассажиров с «билетами до Одессы» [5].

К этому времени у «белых» был не только полный контроль над морем, мощный флот, поддержка флота стран Антанты, но и опыт десантных операций: десант в Геническе, Мариуполе, Бердянске (апрель 1919), в Коктебеле и у Феодосии (май-июнь 1919), у Кинбурна (начало августа 1919) [6]. В десантной операции приняли участие крейсера «Генерал Корнилов» и «Кагул» (командир крейсера «Кагул» капитан 1-го ранга П. П. Остелецкий руководил всей операцией), транспорт «Маргарита», тральщики «Роза» и «Адольф», буксир «Доброволец», катера №52, №53, 3 баржи.

21 августа к эскадре присоединились миноносцы «Поспешный» и «Живой», у одесских берегов к эскадре присоединились суда военно-морского флота Великобритании (крейсер «Карадок», 4 миноносца, 2 гидроаэропланная матка). Тогда же на «Кагул» П. Остелецкому был доставлен секретный пакет с приказом высадить десант на косу Сухого лимана, закрепиться на плацдарме Сухой лиман - Большой Фонтан и овладеть городом. 22 августа (в день начала операции) П. Остелецкий приказал, ввиду недостаточного времени, начать операцию на сутки позже - на рассвете 23 августа и расположить корабли эскадры вне видимости с берега. «При наступлении в темноте необстрелянные войска могли легко поддаваться панике в случае встречи активного сопротивления со стороны противника и тем самым сорвать саму операцию. Флот, задачей которого являлась мощная поддержка огнем нашего десанта, не мог бы выполнить этого до наступления полного рассвета, то есть высадившиеся части предоставлялись сами себе в течение продолжительного времени» - сообщал участник событий А. Данске [7].

Считается, что место десантирования стало неожиданным для большевиков, которые предполагали, что «белые» планируют высадиться на побережье между Одессой и Ни-

колаевом. В этом районе «красные» расположили значительные военные силы. Однако в докладе того же И. Клименко читаем: «22-го числа в 6 часов вечера на горизонте Люстдорфа появилось много судов крупого калибра. Так как мы все время ожидали десанта, в 10 часов вечера Комитет обороны решил, что высадка десанта неизбежна. Разведка установила возможность десанта» [1. 314]. Из этого отрывка становится ясно, что уже вечером 22 августа «красное» командование предполагало десант именно в районе Люстдорфа. Однако удивляет то, что в этот район не было послано ни одного воинского соединения (хотя от вокзала до Люстдорфа можно было доехать за 1,5 - 2 часа), а батареи не были приведены в боевое положение. «Командование дивизией приказа не выполнило» - переводил ответственность на командование 47 стрелковой дивизии И. Клименко

23 августа в четыре часа утра на косу, отделяющую Сухой лиман от моря в 10 км от Одессы, на тральщике «Роза», высадились два передовых отряда - до 300 чел. в пешем строю (из-за шторма не удалось перевести полковых лошадей на берег). 1-й (ротмистра В. Юрицына), 2-й (ротмистра П. Лесневича). Постов «красной» охраны на берегу не оказалось. Высадка произошла в одном километре западнее немецкой колонии Люстдорф, и колонисты сообщили, что на побережье «красных» частей нет. Передовой отряд на подводах выдвинулся вдоль берега в сторону Одессы и к 8 часам утра достиг Дачи Ковалевского, где находилась «красная» береговая батарея (2-е 48-мм. линейные гаубицы). Расчёт батареи перешёл на сторону «белых», а командир заявил, что ожидает денкинцев, и присоединился к передовому отряду. По другим данным, по батарее было сделано несколько выстрелов из крупных калибров и артиллерийская прислуга разбежалась, а пушки батареи «взяли в поход»... На мысе Большой Фонтан был захвачен наблюдательный пункт с прожекторами. Дойдя до Аркадии, десантный отряд занял оборону, потому что рядом, в Ботаническом саду, была обнаружена цепь красноармейцев, в Аркадии на сторону десанта «без единого выстрела» перешли пост пограничной стражи и тяжёлая береговая батарея [8].

Примерно в 9.30 - 10.00 часов утра 23 августа «красному» командованию и руководству города стало известно о десантировании «белых» на Сухом Лимане и их продвижении к Одессе (см. план Юго-западных предместий Одессы на задней обложке альманаха). Немедленно, наперерез наступающим был выслан отряд «завесы» - ок. 200 штыков: «красные войска на грузовиках и автомобилях добрались до 7-й станции и рассыпались... по домам. Часть из них обходными путями перебрались к высадившимся добровольческим частям, дав им ценные указания» [4].

К 12 часам утра, после высадки основных сил, ряды «белого» десанта перестроились и повели наступление несколькими колоннами: 1-я (петроградский эскадрон) ротмистра Рубцова продвигалась по морскому побережью через Аркадию, Французский бульвар; 2-я (2-й эскадрон Крымского полка) ротмистра Лесеневица - по линии трамвая через Большой Фонтан к железнодорожному вокзалу, 3-я и 4-я полковника Зотова и штабс-ротмистра Глазера под общим командованием полковника Туган-Барановского - к тюрьме на Люстдорфской дороге, 5-я (1-й эскадрон Крымского полка) ротмистра Юрицына - на товарную станцию. Резерв десанта (5-й эскадрон) ротмистра Ляшкова следовал за центральным отрядом на расстоянии 400 м; 6-й эскадрон ротмистра Аладьина остался на месте высадки для прикрытия Овидиопольского направления. Для овладения полу-миллионным городом 600-700 бойцов десанта было явно недостаточно.

Через два месяца после «десанта» советский губернатор Одесчины Иван Клименко (воглавлял «Комитет обороны») представил в Зафронтовое бюро ЦК КП(б)У доклад о событиях 22-24 августа, неоправданно нарекая: «В городе не было абсолютно никаких сил, так как все местные силы были оттянуты на ликвидацию поражения в Николаеве, восстановление фронта, но Бугу и значительные части были направлены против Махно на Помошную для восстановления связи Бобринская—Киев. Был в городе караул штыков в 4000, но он был ненадежен, потому что при первой панике начал разбегаться. На артиллерийских командных курсах весь ко-

мандный состав разбежался. Часть курсантов этих курсов была на фронте, а часть была послана защищать подступы к Одессе со стороны десанта. Для этой цели были собраны все силы, какие только были. В городе были отряды в незначительном количестве при чрезвычайной комиссии при Особом отделе, которые охраняли самые важные места» [1. 314]. В этом докладе факты дополнялись с лукавством, особенно если учесть количество вооруженных сил «красных» в Одессе.

Что же случилось в Одессе 23 августа? К этому времени Красная Армия в «одесском районе» (между Южным Бугом и Днестром) переживала катастрофу, разложение, превратясь в деморализованную толпу, неспособную к обороне. 20-21 августа «белыми» был прорван красный фронт по реке Южный Буг, у Вознесенска, Помошной, Новой Одессы... Командование Одесского гарнизона и частей, окопавшихся в одесском районе, находилось в полной растерянности, получая из Центра приказы, которые противоречили один другому.

19 августа была создана Южная группа войск из частей 47-й, 45-й (под командованием Якира И. Э.), 58-й стрелковых дивизий. Дивизиям грозило полное окружение, но им было приказано удерживать фронт и, одновременно, разрабатывать план отхода на север, к Киеву. Совет обороны располагал остатками 45-й дивизии (малонадежной и малочисленной), отдельными полками 58-й дивизии (оставшимися на «красной стороне» после перехода большей части дивизии на сторону махновцев в середине августа 19-го - «дивизия находилась в состоянии полного разрушения»), недоукомплектованными полками 47-й дивизии (начала формироваться в Одессе летом 1919 г. из мобилизованных местных жителей с задачей по охране побережья Черного моря от десантов и румынских частей). Как вспоминал И. Клименко приказы по обороне Одессы военными игнорировались: «Командование 47-й дивизии, которая охраняла Черноморское побережье и части которой стояли в Одессе, приказа не выполнили» [1. 313, 318].

«Защитники красной Одессы» могли рассчитывать на 10-11 тыс. штыков и сабель: 4 тыс. - караульный полк, 2,5 тыс. -

полки дивизий Красной Армии, 1 тыс. «красных» курсантов артиллерийских и пехотных курсов (считались «наиболее надежными»), 1 тыс. – батальоны и отряды одесского и николаевского ЧК, 0,5 тыс. – силы местной милиции, до 2 тыс. – вооруженные дружины коммунистов, «отряды обороны», «рабочие дружины», дружины анархистов и левых эсеров, «женский революционный отряд», «интернациональные» отряды – из китайцев, кавказцев, евреев... К этому списку необходимо добавить бронев автомобили и бронепоезда, самолеты, артиллерию... Еще 18 августа командование 12-1 советской армии направило приказ частям района Одессы (3 дивизии) о «необходимости» обороны Одессы.

Однако, несмотря на такое численное превосходство, военное командование и гражданская власть считали десант хорошим предложением, чтобы сбежать из Одессы. Уже к полудню город покинуло командование РВС Южной группы, члены Совета обороны – Ян Гамарник, Борис Краевский, Иона Якир. Свое бегство они прикрыли заявлением, что «направляются на фронт в районе Вознесенска» [1. с. 318]. «Красным» начальником обороны города был назначен помощник губернского военкома Иванов. Но ни о какой обороне речь уже не велась. Советские власти надеялись только задержать десант на подступах к центру города, что бы успеть «эвакуировать учреждения».

Утром 23 августа в гостиницу «Лондонская», где находился офис одесского Совета, прибыл представитель военной части, что столкнулась с белым десантом в районе Люстдорфа, который сообщил подробности о десанте. В 11.00 в «Лондонскую» на экстренное совещание, по телефону, были собраны «ответственные представители всех наиболее крупных советских учреждений». Им было объявлено о решении в течение 23-24 августа «эвакуировать Одессу» и приказано срочно упаковать важные дела для эвакуации, а часть дел уничтожить... Руководителям были даны деньги для выплаты пособий и зарплат, но львиная доля этих денег так и осталась в карманах начальников. На совещании звучали тревожные предупреждения о «признаках разложения» в гарнизоне Одессы и возможном «восстании». Сочув-

ствующий советской власти одесский художник-авангардист Амшей Нюренберг вспоминал, что, узнав в 10 утра об эвакуации Одессы («под прикрытием английских судов идет наступление белых»), он прибежал в одесский исполком Советов, где секретарь исполкома Ракитин дал ему «...паспорт, деньги и напутствует: Мы отступаем к Модаванке. Транспорта мало» [9. 338-342]. «К 2 часам дня все комиссариаты и советские учреждения были закрыты» [10].

Примерно в 13.00, не видя еще самих десантных частей и не имея никаких точных сведений об их численности, помощник военкома Иванов решил организовать оборону, чтобы провести «успешную эвакуацию». На западные окраины города - в район Аркадии и Малого Фонтана были направлены - до 800 штыков, в район «Чубаевки» - еще 600 штыков 47-й дивизии при шести гаубицах и одном броневике, примерно 1,5 тыс. штыков составили «ударную группу резерва» на железнодорожном вокзале. Эти 2,5 тысячи штыков вполне могли отогнать от города десант. Но в ход событий вмешались крупные калибры морской артиллерии, которые и решили исход «дела».

...По «белогвардейским источникам» первое сопротивление десанту было оказано у завода Анатра, где сражались китайцы и матросы. Добровольцы коротким ударом ликвидировали заграждения. После чего несколько китайцев и матросов были расстреляны. У добровольцев жертв не было за исключением 2-3 раненых. Несколько задержались добровольцы у тюрьмы и Семеновского училища, «всюду легко одолевая сопротивление большевиков», тот же источник сообщает: «второй десант моряков был сделан у Соленых озера» [4]. «Завод Анатра» имел две локации - вблизи одесского ипподрома и на Стрельбищном поле, а вот «Соленые озера» - возможно Куяльницкий лиман. Очевидно, эскадра десанта, выйдя на ближний Одесский рейд, десантировала за Пересышью, в районе Куяльника, небольшую группу «белых», которая должна была блокировать город.

«К трем часам у штаба были собраны курсанты пехотных и инженерных курсов, человек 80 китайцев и другие большевистские части в общей сложности около 3000 чело-

век. Здесь же дымились походные кухни...», вскоре «расположенная на Куликовом поле батарея начала обстрел наступающих на город по Большефонтанской линии десантных войск.... паривший с 2 часов дня над городом, с национальными цветами, гидроаэроплан обследовал месторасположение батареи и сигнализировал стоящим в море кораблям. Большевистская батарея успела выпустить только три снаряда, как тяжелая судовая артиллерия открыла огонь. Лошадь и два артиллериста были убиты. Остальной состав батареи в панике разбежался. Паника отразилась и на большевистских частях, окружающих штаб. Разбрасывая патроны и винтовки, красноармейцы на ходу срывали красные звездочки с фуражек. К 8 часам вечера в штабе уже никого не было. Во дворе пылал огромный костер, на котором сжигались бумаги» (из статьи «Как была занята Одесса») [4].

Автор еще одной статьи «Одход большевиков от Одессы» сообщал подробности: «...по улицам города, особенно по Пушкинской, началась такая бешеная гоньба большевистских экипажей и автомобилей, мчавшихся от штаба, по Пироговской ул., у пассажиров этих экипажей и автомобилей были такие растерянные, взволнованные лица, что человек, не посвященный в политику дня, сразу мог определить конец большевистской «работы». Большевики уже не скрывали перед советскими служащими остроты момента и предавали, что получили новое радио – сдать город. Во многих советских учреждениях сейчас же начали сжигать бумаги и служащие стали расходиться, причем многим не выплачено было ни жалования, ни ликвидационных, что вызывало возмущение. Служащие указывали: «когда, в свое время уходили добровольцы (войска Юго-Западного края ген. Шварца и французские части покидали Одессу в начале апреля 1919 г. – Авт.), они выплатили ликвидационных за 6 месяцев». Но большевики не обращали внимания на жалобы. Им было не до этого...» [11].

Примерно в 14.40 кораблям «белой» эскадры сигналами пришла информация, что в район артиллерийского училища и у деревни Чубаевка скопились «красные» войска для отражения десанта. Крейсера «Кагул» и «Карадок» откры-

ли орудейный огонь по скоплению войск, что привело к паническому отступлению всех частей «красных», еще до начала боя с десантом. Конные ординарцы – связисты из десантного отряда осуществляли связь между десантными отрядом и сигнальщиками на берегу (которые были высажены с борта «Кагула»), а также передавали «разведку». «Белыми» были захвачены брошенная большевиками батарея и артиллерийский городок с полным артиллерийским имуществом.

В 15.00 начался обстрел «Николаевской дороги и района вокзала, где скопили группы красногвардейцев, пытавшихся покинуть город... обстрел продолжался около часу, возобновился снова в 6 с пол. часа, в 9 часов вечера стрельба стихла... Несколько снарядов разорвалось в районе Малой Арнаутской, загорелось здание Шалашной синагоги...», снаряды рвались на Дерибасовской угол Екатерининской, на Александровской площади у телефонной станции, причем «все телефонистки покинули станцию и телефонное сообщение в городе прекратилось». Тогда же произошел обстрел артиллерийских курсов и района тюрьмы, где за тюремной больницей укрылась советская батарея. Захватив одесскую тюрьму, десантный отряд выпустил на волю всех «классовых» арестантов, часть из которых присоединилась к освободителям. [10].

В 16.40 в районе 5-й станции Большого Фонтана было замечено скопление сил «красных» до 800 человек (415-й и 416-й полки), которые так же быстро были рассеяны огнём судовой артиллерии, даже не вступив в непосредственное военное столкновение с десантом. К 18.00 передовой отряд десанта, без проблем, дошёл до железнодорожных путей, огибающих город у II Христианского кладбища и, ввиду наступающей темноты, остановился на ночлег в районе «Голопузовки».

До полудня «большевики уверяли, что опасности нет никакой, что получено радио, что в Одессу идет Затонский с 10 тысячами латышей», но с 12 часов началось бегство, «...развал, растерянность, испуг и полная неразбериха... во всех советских учреждениях сжигали документы, бумаги...

Большая зала вокзала быстро наполнилась толпой мужчин и женщин, настойчиво требовавших: «везти куда угодно, но только скорей отсюда»...

На вокзале шла спешная погрузка ценностей, «ответственных работников», членов их семей, архивов и войск... С большим трудом к 4-м часам был составлен первый поезд (после поезда, который отбыл в 12 часов дня с членами «Совета обороны». – Авт.) в составе 23-х вагонов... Всего отошло четыре поезда. Больше поездов подвижного состава никак нельзя было составить из-за отсутствия вагонов. За это, конечно, едва не расстреляли дежурного по станции. В тот момент пришел дачный поезд, который в один миг заполнился и тоже успел отойти. По вокзалу была открыта оружейная стрельба. Многие в панике бежали обратно в город. Некоторые устремились вперед по полотну дороги. Были жертвы. Погиб смотритель грузового двора Глубецкий, счетовод Крым и какая-то женщина с ребенком. Снарядами выбиты стекла на вокзале и посечены крыши над пероном» [11].

Возможно об этом «вечернем» обстреле (приблизительно в 19.30-19.50) сообщал и И. Клименко: «Сильная бомбандировка города по району вокзала, Куликова поля и Пироговской... военный порядок в городе установить нельзя было, не было никаких сил и не было военных руководителей» [1. с. 315]. Из-за бегства высшего командования некому было объявить эвакуацию города: «Ликвидация учреждений и разъезд ответственных работников продолжался до вечера и даже в те часы, когда город начал обстреливаться с моря. Еще в 7 часов вечера шла посадка в вагоны советских деятелей и погрузка их вещей. Максимум растерянности было проявлено в «Чрезвычайке». Члены последней с полудня приступили к упаковке и сжиганию бумаг. Некоторые члены последней с полудня, не выждав общего распоряжения, начали оставлять приделы города, унося с собой кое-какие материалы. Одновременно было дано распоряжение освободить всех арестованных, даже приговоренных к казни...» [10]. «У отступившей дивизии Якира всего по пять патронов на человека. Формировавшаяся в Одессе 47-я дивизия разбежалась при первых дымках белых кораблей на горизонте:

осталось триста человек коммунистов во главе с Лагофетом. Решаем эвакуировать Одессу и отступать на Север по железной дороге... Грузим в сорок эшелонов все запасы Одесского военного округа. Эшелоны благополучно доходят до станции Раздельная...» - писал об этих событиях «советский источник» [1].

Последний эшелон с одесскими беглецами покинул вокзал в 8 часов вечера 23 августа. На нем уезжали члены «Совета обороны», исполкома, парткома, штаба округа. В поезд, который увозил аппарат и архив ЧК, попал снаряд (6 убитых, 25 раненых), вследствие чего сгорел вагон с частью архива ЧК, но поезд сумел вырваться на Раздельную [12]. После 8.30 вечера, когда пути были разрушены, с одесского вокзала уже не ушёл ни один состав. Из Одессы не смогли эвакуироваться ряд «ответственных работников» [13].

Обстрел корабельной артиллерией вокзала привел к панике среди курсантов Красных артиллерийских курсов: «часть курсантов разбежалась, часть была убита». «Привокзальные» части могли легко отбить десант, но у них уже не было ни мотивации, ни общего руководства. К тому же о десанте был пущен слух, что наступают «тысячи», что под Одессой высадилась английская пехота [10]. Вечером корабельная артиллерия обстреляла «советские батареи на Очаковском шоссе» и «отступающие по Балтской дороге советские части» [11]. Примерно в 19.30 в акваторию одесского порта вошли «белые» суда: «Живой», «Звонкий», «Кагул». Корабельная артиллерия открыла огонь по станции, уничтожив подвижной состав, рассеяв скопление красноармейских частей по Балковской дороге. Орудийная стрельба продолжалась час, после чего, по словам очевидца, наступила мертвая тишина и «полная неизвестность».

Для вступления в город «белому» командованию нужно было соединить все малочисленные силы десанта, к тому же, по сведениям разведки, в 800 метрах от передового отряда десанта - у вокзала «Одесса-Главная» скопилось более двух тысяч красноармейцев, курсантов военных училищ, вооруженных советских работников. Командование десантом отложило наступление на центр города до 6 утра 23 ав-

густа, приказав частям десанта ночевать в районе тюрьмы – «Красного Креста» - ипподрома – дач Французского бульвара (киностудии). В 20 часов 25 минут «белый офицер» на мотоцикле привёз из центра города в штаб десантников «разведку» о том, что восточная часть города уже находится в руках восставших «против коммунии».

Днем 23 августа к Особому отделу прибыли на машине грузинский консул А. Ушверидзе и в конном строю отряд советской судебной милиции (иногда эта часть называется «летучей» грузинской сотней при Особом отделе), набранный из грузин (22 всадника, командир ротмистр Ассанов (или Гасанов, или Ассабанов). В этом отряде в числе «заговорщиков» были также поручики Батырев и Габахадзе. «Грузинский отряд» давно был на подозрении у «красного» командования, но его расформирование постоянно откладывали, инспекторы военной инспекции сообщали о грузинской сотне «...кто командует сотней, выяснить не удалось, так как в сотне в этот день шел разгул. Люди производят впечатление разнузданных и своенравных людей... О дисциплине в большинстве случаев имеют слабое представление» [14. 45].

«Грузины» окружили здание Особого отдела и потребовали выдачи «грузинских арестованных». В 16.00 были освобождены задержанные накануне Накошидзе и Челакаев, но поручик А. Маркова оставался за решеткой, хотя отряд требовал и его освобождения. Грузинский отряд напал на караул Особого отдела и после перестрелки добился освобождения А. Маркова [13]. К 17.00 отряд двинулся на Маразлиевскую, 36, чтобы освободить полковника А. Саблина, но чекисты отказались освобождать заключенного. «Грузины» бросили две бомбы в здание «отдела» и завязали перестрелку, в ходе которой были ранены два офицера из грузинского отряда. После перестрелки А. Саблин был освобожден, а защитники «отдела» разбежались.

«Белогвардейское» восстание в городе началось по сигналу – в 18.00 три выстрела из орудия в сторону города сделала тяжелая батарея в Аркадии, перешедшая на сторону «белых». Восставшие начали продвигаться от Маразлиев-

ской по Канатной, в сторону железнодорожного вокзала, оставляя караулы на ключевых развязках. Особого сопротивления нигде не было оказано, и восставшие не имели потерь. Отряд восставших поручика Павлюкевича захватил «красную» батарею в Александровском парке и пулеметную роту, отряд Жгения и Баручана взяли Штаб военного округа, посеяв среди «советской публики» панику [15].

Полковник А. Саблин, возглавив восстание, объявил себя «Командующим силами Одессы», «под страхом смертной казни воспретив самочинные обыски» и «основав штаб сил Одессы» в Особом отделе на Маразлиевской угол Троицкой. О «полковнике Саблине» нет никаких сведений в штабных документах белогвардейской армии, возможно, это был псевдоним, за которым скрывался реальный организатор подпольной офицерской дружины генерал-лейтенант фон А. Розеншильд – Паулин. Он назначил начальником штаба «сил Одессы» поручика А. Маркова, а временно исполняющим обязанности градоначальника И. Адамского [10].

Большевицкая власть вечером 23 августа была деморализована и не могла организовать сопротивления. И. Клименко так вспоминал о последних часах пребывания «красных» в городе: «Штаб и Комитет обороны решили уходить пешком... собрали до 150 человек, в основном советских работников и командиров штабов. Из военной силы оказалось в наличии только 20 курсантов, 25 кавалеристов с 3 пулемётами, броневик... Некоторые ответственные работники, исполком, парком, которым нечего было делать в городе, все же в городе оставались, так как военный порядок в городе установить нельзя было, не было никаких сил и не было военных руководителей... В 12 час. ночи я со штабом, курсантами кавалеристами пешком отправился на ст. Сортировочную. Так как мы все время находились в условиях эвакуации, Комитет Обороны распорядился все материалы, относящиеся к личному составу, не представляющие особенной ценности для нас, а для врага большую ценность, сжечь. Решено было оставить только денежную отчетность. Все было свезено в исполком, запаковано, но благодаря бомбардировке, панике, материалы остались вместе с секретарем испол-

кома тов. Ракитиным, который не знаю, что с ними сделал... По Пересыпи стали стрелять только на следующий день... белогвардейцы знали, что там остались наши силы... на удалось вывести оставшиеся вагоны со снарядами...» [1. 315-316].

Очевидно, между 19 и 21 часами вечера: «...когда нажим с моря стал явственным, отряд (восставших. - Автор) заставил примкнуть к себе суд, милицию и некоторые другие дружины, которые были использованы для поддержания порядка» - сообщали «белые» источники [16]. Их подтверждают «красные воспоминания»: «В 8 час. вечера в городе осталась милиция, которую вывести нельзя было... Часть милиции оказалась ненадежной, особенно резервная» [1. 316]. Новым начальником милиции (после бегства «красного» вечером 23-го) был назначен бывший гласный Одесской городской Думы, член штаба «Совета обороны» и начальник Александровского милицейского участка эсер Е. В. Китников и эсер Рязанов. Охрана центральной части города была поручена начальнику Бульварного участка, в управление которым вечером 23-го вступил Авербух. «К вечеру возникли попытки грабежа магазинов вооруженной чернью. Банды ходили по пятам за патрулями и нападали на магазины и склады там, где милиционеры уже прошли... грабежи и налеты подавлялись немедленно» [10]. В ночь на 24 августа на сторону белогвардейцев перешло до 50% советских милиционеров, руководство охраны города взял на себя активный член Одесской городской Думы Б. Фридман [17].

В ночь на 24 августа активизировалась одесская Еврейская дружина (1200 чел.) «под командованием 80 офицеров», которая для поддержания порядка выставила свои патрули и заявила о своей поддержке «белых». И. Клименко писал: «В карауле была ненадежная публика, и как только началась бомбардировка, она стала разбегаться» [1. 315], но «караульщики» (солдаты советского Караульного полка, состоявшего из 4 тыс. штыков) не только «разбежались», но и в большинстве своем перешли на сторону врага. Красноармейцы из Караульного полка захватывали деньги, которые казались «бесхозными». Так, командир Одесского Карауль-

ного полка и комиссар полка скрылись с кассой полка в 300 тыс. руб., никого из подчиненных не предупредив об эвакуации [18. 325].

Вечером по городу стали проходить ограбление банков, магазинов и касс, «эксцессы со стороны темных элементов». Когда выяснилось, что советская власть самоустранилась и не может охранять спокойствие в городе, управление милиции, оказавшееся в руках эсеров, отдало приказ о прекращении по улицам Одессы всякого движения. По городу были разосланы патрули, милиционеры останавливали «начавших появляться на улицах субъектов с узлами».

В районе Куликова поля и ул. Канатной, около 19.30, оставшие (по разным данным, «грузины» или «милиционеры») задержали машину и арестовали ее пассажиров - большевистских лидеров (Е. Чикваная и С. Соколовскую), спешащих из Штаба округа на ул. Пироговской к вокзалу на последний эшелон. Белогвардейская пресса писала об аресте Г. Котовского, секретаря Одесского губкома С. Соколовской, одного с руководителями одесского ЧК Б. Северного-Юзэфовича, бывшего военного команданта Одессы и начальника боевого участка Е. Чикваная [3]. Причем С. Соколовская и тов. Северный, очевидно, очень скоро были «выкуплены» из «белых застенков», а вот Е. Чикваная, осенью 19-го, был расстрелян после суда. А вот Г. Котовский был 23 августа уже в 100 км от Одессы, в частях «Южной группы тов. Якира». Чекисты Колениченко (Кале), Клименко, Прокофьев были арестованы ранним утром 24 августа, когда они на дубке пытались скрыться из Одессы «по морю», «был схвачен французским миноносцем», оказавшись «в руках французского командования» [16].

В газете «Родина» сообщалось о расстреле С. Соколовской (парт. псевдоним «Елена») - так блефовала советская разведка. В книге, изданной в 1925 году Истпартом - «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917-1921 годах», известный партийный функционер Я. Яковлев (Эпштейн), кстати, «по иронии судьбы» законный муж «умершей», писал о безвинно погибшей героине («расстрелянной») в Одессе от рук восставших заговорщиков - юной

большевичке Софье Соколовской «Елене». Автор косноязычно рисует «трагическую» картину вечера 23 августа 19-го: «...город уже занимается белыми, советские партийные работники уходят вместе. Но Елене кажется, что в городе имеются еще отряды, которые могут бороться, которые можно вывести, - она покидает всех уходящих коммунистов и возвращается в город. Здесь ее и товарища председателя одесского Ч.К. захватывает отряд офицеров и перешедшей на сторону врага милиции. Их убивают...» [19. 538]. Интересно, как их убивают, но не на смерть... и Соколовская, и тов. председатель ЧК «воскреснут» и погибнут только во время «сталинского террора».

Собственная смерть 23 августа 19-го почему-то не мешает С. Соколовской осенью 19-го руководить большевистским подпольем в Одессе, проводить подпольную городскую конференцию Одесской организации коммунистов в ноябре 19-го. В чем же загадка? Что хотели скрыть «старые знакомые» С. Соколовской – Я. Яковлев и редакторы издания Истпарта Лежава и Русанов? Более того «по Соколовской» провели «советскую панихиду», правительство Советской Украины почтило «память расстрелянной в Одессе» на своем заседании...

А вот партработник С. Лекишвили уже в 1930-м вспомнил «одесскую трагедию 19-го» без Соколовской: «Первым изменил наш грузинский отряд, в подавляющем большинстве состоявший из бывших спиртовщиков и громил, чьей целью было скорее разбогатеть и с награбленным вернуться на родину. Получив приказ эвакуироваться и следовать с отступающими эшелонами красных частей, они категорически отказались, и командиру их – Чхеидзе – с трудом удалось вырваться живым из рук банды, которая, учитывая момент, раньше всех переключилась в отряд белой контрразведки (недаром т. Лаврентий в свое время добивался поголового их уничтожения). Завидя их, мы быстро завернули в переулок, но они все же успели нас заметить. Напоролся на них и т. Чикваная, командир фронта, с горсточкой преданных бойцов, дравшийся у подступов к Одессе» [20. 4, 13].

«Умершая» С. Соколовская «воскресла» в роли первой советской шпионки во Франции! В конце 19-го из одесского

порта на французском судне «в сторону Запада» отбыли будущие создатели Коммунистической партии Франции и одновременно французской агентурной сети молодой советской разведки: София Соколовская и Владимир Деготь (впоследствии, в 60-е их именами будут названы два переулка в Одессе) с большими деньгами для подкупа французских социалистов. Однако французская полиция нашла у простого рабочего В. Деготь, безбедно путешествующего по Европе, бриллиантов на сумму 10 миллионов франков. Скандал, просочившийся в прессу, привел к провалу советской резидентуры и к возвращению тов. Соколовской в советские республики [21. 64].

Продолжением фальсификации смертей Соколовской и Северного-Юзефовича являются советские публикации о «кровавом терроре» и тысячах расстрелянных революционеров в первые дни после захвата «белыми» Одессы. Порождает изобретательность в описании «зверств белогвардейцев» в Одессе... «Белому террору» приписывается убийство, «как большевика», летчика Михаила Ефимова («посадили в шлюпку и вывезли на середину бухты. Командовавший шлюпкой офицер сказал летчику, что дает ему шанс спастись — и приказал прыгнуть за борт, чтобы добраться до берега вплавь, но как только он поплыл, конвоиры открыли по летчику огонь»).

Во время захвата «белыми» Одессы действительно было расстреляно ок. 10 человек, еще 5-7 человек было растерзано толпами возмущенных «красным террором» обывателей... По городу тогда фиксировались самосуды – на улицах толпой были убиты «два китайца, негр-красноармеец, один агент ЧК»... в больнице был убит чекист Лесниченко [22]. Возможно, в первые дни десанта список жертв «белого террора» можно увеличить до 30 - 50 человек.

Рассказы «красной» пропаганды на 70 лет стали хрестоматийными, в них утверждалось, что «...в течение первых нескольких дней господства деникинцев в Одессе было расстреляно без суда и следствия 3 тыс. чел., заподозренных в симпатиях к советской власти. В анатомическом покое университета все помещения и даже коридоры были закиданы

труппами расстрелянных. Много арестованных белогвардейские палачи переводили на военные суда, стоявшие на Одесском рейде, там их расстреливали» [23]. Советские штампы транслирует и современная российская историография. Так, И. Ратковский в книге «Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды» пишет о репрессиях 23-25 августа в Одессе: «начались массовые расстрелы... Груды трупов сбрасывали в море», он пишет о мифических расстрелянных «16 тяжелораненых красноармейцах», о зверском убийстве коменданта «красной Одессы» Мизикевича в некоем «Люсдарже» (правильно Люстдорф), его убили восставшие немцы-колонисты за месяц до десанта, о повешении 4-х рабочих на Ярморочной площади, которых казнили многим позже [24].

В то же время советский автор И. Погорелый в 1930 г. (когда еще были живы свидетели и писали относительно правдиво) подает другие цифры, говоря о «нескольких самосудах над бывшими сотрудниками советской власти». И. Погорелый писал, что за первые дни деникинщины было расстреляно 35 чел.: «...трупы которых перевезено было в морг... в порту стоял канонерская лодка «Георгий», где также расстреливали и трупы бросали в море. Таких «морских» трупов в морг было доставлено более 20...». Цифра в 55 казненных, со временем, превратилась у советских «историков» в 3 тыс. человек! [25. 63]. В «Отчете отдела Красного Креста» Одесского подпольного губкома КП(б)У середины ноября 19-го было сказано о «белом терроре» - 8 расстреляных, 3 публично повешенных и от 120 до 650 «политических» арестованных, о 400 тыс. руб., потраченных на выкуп арестованных (на взятки «белым» тюремщикам) [1. 329].

Относительно военных потерь в «тяжелых боях» за город 23 августа мы сталкиваемся со сплошной фальсификацией со стороны советской историографии, хотя белогвардейские авторы ничего не говорят о своих потерях, за исключением упоминания о нескольких раненых. Практически, уличных боев в этот день в Одессе и не было, отдельные перестрелки с небольшим количеством раненых имели место на Маразлиевской, у стен тюрьмы, на Среднем Фонтане. «Только на

станции «Одесса» большевики, преимущественно нанятые ими китайцы, оказали небольшое сопротивление. Туда были посланы крымцы, как более многочисленные и имеющие уже один конный эскадрон» [26]. В то же время «красные» войска понесли значительные потери - 60-80 чел. погибшими (до 200 ранеными) от артиллерийских обстрелов «красных позиций» корабельной артиллерией. Тогда же, от случайных осколков и шальных пуль, погибло 10 - 15 мирных одесситов.

В тенденциозной советской книге «История городов и сел УССР» мы читаем о придуманных историками небывалых горячих боях, «почти сутки боролись защитники Одессы против деникинского десанта». Придумывались и названия отрядов, якобы сражавшихся против десанта, хотя в действительности ни одна из названных историками частей не приняла участия в уличных боях, которых не было: «1-й и 2-й коммунистические батальоны, 1-я революционная дружина, коммунистическая дружина Молдаванского района, коммунистическая дружина табачной фабрики...» [27. с. 108]. Но были и другие «исторические фантазии» о том, что «белых десантников» было 2 тысячи штыков, из которых «500 солдат английской морской пехоты», что на «защиту города» выступили «...отряды под командованием большевика Е. Чикваная, которые мужественно сражались с наступающим врагом» [28. 198].

В реальности все эти «дружины и батальоны» к полуночи благополучно разбежались. «Около 11 часов вечера было получено по радио донесение, что офицерская организация полковника Саблина заняла восточную часть города до Пушкинской улицы (то есть до улицы, идущей к северу от вокзала). При этом нами была захвачена вполне исправная радиостанция, связавшаяся сейчас же с нашим флотом» - вспоминал участник десанта.

К 4 утра 24 августа центр города перешёл под полный контроль восставших. Очевидец вспоминал: «В 5 часов утра уже на ногах и на улице... Проходит какой-то отряд - очевидно дружина по охране города. На рукавах у дружинников белые повязки. Случайно узнаю знакомого студента.

Расспрашиваю его – оказывается, что еще вчера вечером вступил в исполнение обязанностей начальника милиции гласный Думы Е. В. Китников (эсер, бывший поручик, в 1917 г. был начальником народной милиции Одессы). Отряды милиции всю ночь охраняли город. Большевиков в городе больше нет – кто успел бежать, а кто попрятался» [29].

В экстренном выпуске «Одесский листок» (Бюллетень №1, с шапкой: «Измученным гражданам исстрадавшейся Одессы от освобожденного узника – «Одесского листка» - братский привет!») редакция оповестила население: «С большевиками в Одессе покончено... При столь энергично и быстро проведенных арестах не могли уцелеть даже такие видные и опытные вожди местного большевизма, как знаменитые комиссары - С. Соколовская, Калениченко, Котовский» [10].

Первые белогвардейские части десанта вошли в центр Одессы в 8 часов утра. Колонны начали движение от Куликова поля по Канатной, Ремесленной и Пушкинской, красноармейцы никакого сопротивления не оказывали. Тогда же к полковнику Д. Туган-Барановскому явился генерал-лейтенант А. фон Розеншильд-Паулин и доложил, что им из офицеров-подпольщиков был сформирован офицерский батальон, который немедленно приступает к боевым действиям. Батальон присоединился к 1-ому эскадрону ротмистра Юрицына и проследовал на позиции по защите города. Еще один повстанческий отряд, сформированный как часть еврейской самообороны, принял название «Одесский конный дивизион». В районе Куликова поля десант встречали бойцы «конного дивизиона» и отряд георгиевских кавалеров. «Дивизионщики» предоставили своих лошадей эскадрону улан, который прошел центр города в конном строю и к вечеру закрепился на Пересыпи. Две колонны десантного отряда утром 24-го выдвинулись для занятия северо-восточной и северо-западных окраин города и ближайших железнодорожных станций. Из тюрем было освобождено 199 заключенных [26. 172].

24 августа корабельная артиллерия продолжала «утюжить» окраины Одессы - предполагаемые скопления «войск

большевиков» на Пересыпи, Слободке, Заставе, ст. Сортировочная, части десанта «очищали один квартал за другим», заняв железную дорогу южнее Слободки и восточнее Молдаванки. На Пересыпи и Слободке, у ст. Сортировочная возникли перестрелки, там еще оставались отдельные очаги сопротивления отступающих большевиков. Некоторые снаряды не долетали до цели и разрывались в центральных кварталах. Вера Николаевна Муромцева (спутница писателя И. Бунина) запишет в дневнике: «Длинный узкий снаряд, пробивший дом насквозь с Преображенской на Елизаветинскую, ударился в дом, что на углу Софиевской и Торговой, но не разорвался и, сбив слегка штукатурку, упал на мостовую. Я видела белый шарообразный пар над мостовой, а выше белый столб, похожий на известковый. Сегодня утром я проснулась от пушечной пальбы... 5 ч. 30 м. дня. Опять пальба. ...Полтора часа идет бомбардировка. Говорят, засела на Чумке кучка большевиков. В порту начался десант, вот они и палят» [30. 118].

Газеты сообщали, что около 6 вечера с большого рейда началась стрельба из морских орудий «Кагул» и миноносца по району Застава 1, «...где находились отступающие большевистские части. Спустя час стрельба утихла, а затем снова возобновилась. На этот раз стреляли по Заставе 2». Несколько снарядов не долетело и разорвалось на Дальницкой, Малороссийской, Михайловской улицах города [11]. Тем временем в город с Востока вступил Крестьянский повстанческий отряд матроса Шарова из села Курисово [31].

24 августа во второй половине дня в привычном зале «мерии» собрались депутаты распущенной большевиками еще в апреле 1919 г. Одесской городской Думы, которую возглавил товарищ городского головы А. Ярошевич. Думцы «думали», что местная власть будет передана «демократическим избранникам», но ошиблись, в городе была установлена военная диктатура полковника Д. Туган-Барановского [8].

Утром 25 августа со стороны ст. Раздельная к Одессе начал двигаться красный бронепоезд и эшелон с пехотой. За 15 км от вокзала бронепоезд открыл артиллерийский огонь

по городу, его ремонтная команда приступила к ремонту поврежденного железнодорожного полотна. Красная пехота, до тысячи бойцов, начала высадку из вагонов. Но корабельная артиллерия огнём больших калибров уничтожила бронепоезд, а железнодорожное полотно было настолько испорчено, что о его починке не могло быть и речи. Несколько дней «белая» Одесса сохраняла тревогу по поводу возможного контрнаступления, но 27 августа пришла «разведка» о том, что Южная группа «красных» покинула Колошовку, Березовку и начала отступать на север, к Киеву [12].

Украинские социалисты, в своем большинстве, были против «диктатуры белогвардейцев», однако газета «Одесский листок» поместила статью «Претезание украинцев», где были туманно изложены такие факты: «При взятии Одессы были попытки со стороны местных украинских кругов, если не взять власть в свои руки, то войти в состав управления городом, организации его на коалиционных национальных основах. Представитель местной украинской громады посетил при начале восстания в городе полковника Саблина и заявил ему от имени украинского населения города Одессы, что в состав организуемой власти должны войти представители украинской громады. Полковник Саблин до прибытия начальника гарнизона не счел себя вправе дать исчерпывающий ответ. Полковником Туган-Мирза-Барановским предложения громады в резкой форме было отвергнуто. Украинцы составляют протест, который предложено подать представителям союзного командования» [12]. О каких «украинцах» шла речь в этой статье, мы можем только догадываться, но 23 августа армия УНР и ВСЮР еще не были в состоянии войны.

Парадокс одесского десанта 19-го года состоит в том, что вооруженной борьбы за полумиллионный город не происходило (хотя впоследствии советские историки силились нам навязать представления «о героической обороне Одессы в 1919 г.», а «белые» хроникеры – о невероятном «боевом успехе» ВСЮР), город фактически был сдан, не только без боя, но даже без попыток организации какой-либо обороны. Попытки сопротивления десанту были демонстратив-

ны и имели целью только временно затормозить продвижение «белых» к вокзалу, для того, чтобы за сутки суметь эвакуировать ценности и «руководящее звено». Скорее всего, местные власти еще накануне, после падения Николаева, решили «эвакуировать Одессу», как «чемодан без ручки», и только ждали удобного повода. Ведь город нужно было кормить, а крестьяне, взяв его в осаду, привели к тому, что «голод достиг коллосальных размеров, хлеб доходил до 150 руб. и того не было» [1. с. 313]. В августе в Одессе свирепствовали эпидемии тифа и холеры (зарегистрировано 1130 случаев заболевания холерой, смертность среди заболевших приближалась к 50%), в город подавалось всего лишь 1/5 часть воды от его реальных потребностей.

Успех «белого» десанта напрямую был связан с таким понятием, как «мотивация». В конце августа 19-го ВСЮР пребывали на подъеме. Малыми силами «белыми» были захвачены крупные города: Харьков, Полтава, Екатеринослав, Николаев... был объявлен общий «поход на Москву», и части населения казалось, что победа будет «за белыми». «Красные» вот уже два с половиной месяца «драпали», утратив инициативу, в тылу у «красных» полыхали бесконечные крестьянские восстания, а часть Красной Армии уже весной 19-го оказалась неуправляемой (восстание атамана Григорьева в мае 1919 г. охватило до 25 тыс. красноармейцев, еще столько же заявляли о своей «нейтральности», в конце июля к Н. Махно переходили целые бригады Красной Армии).

Советские и партийные бонзы Одессы уже больше месяца ожидали десанта и были психологически готовы к молниеносной эвакуации. Военное командование также готовило общее отступление с юга Украины. Прокормить армию и полумиллионный город было очень проблематично по причине того, что крестьянство юга Украины объявило бойкот продразверстке и каждый пуд хлеба нужно было «выбивать» у крестьян с кровью. Одесситы «накушались» советской власти и больше не питали к ней сантиментов. Угловный элемент Одессы после предательского расстрела Мишки Япончика-Винницкого объявил войну «красным»,

«революционные моряки» после расстрела чекистами матросов из «красного» полка Стародуба призывали «громить ЧК», рабочий класс («РОПиГ», железнодорожники), измученный голодом и несправедливостью, бастовал. Большевики, эсеры, анархисты (анархисты были возмущены объявлением Н. Махно «вне закона») призывали рабочих выступить против «предателей революции - большевиков», против террора ЧК, диктатуры. Лозунгом одесских забастовок стал лозунг «Советы без коммунистов!». Забастовка на «РОПиГ» была разогнана войсками, прошли аресты, что отрицательно сказалось на поддержке одесситами «красной» власти.

Обыватель был недоволен неумелым руководством, реквизициями и конфискациями, голодом и запретом торговли, террором ЧК и отсутствием перспектив. «Спец» военные, научные и технические только «делали вид» своей поддержки власти, «служивое сословие» тайно ненавидело большевиков. Социалистические партии анархисты, левые эсеры, меньшевики также были не в восторге от диктатуры большевиков. Только незначительная часть одесситов – крупные функционеры, часть ветеранов революции, боящихся расплаты, были за «красную власть», но и они не желали лезть на рожон.

Фактически десант стал успешным по главной причине - народ отвернулся от «народной власти», украинский и немецкий крестьянин восстал в окрестностях полумиллионного города, прекратив подвозить продовольствия, и сделал проблематичным подвоз подкреплений и снарядов, фактически сорвав оборону. Н. Махно блокировал Одессу на дальних подступах (ст. Помощная), вынудив Южную группу вырываться из «одесского котла». Поэтому «белый» десант вошел в Одессу без боя, а город захватили 100-150 восставших «подпольщиков», к которым присоединились «советские кадры»: 22 «грузина», несколько десятков местных студентов, сотни бывших советских милиционеров, несколько сотен красноармейцев из советского караульного полка и 47-й дивизии, активисты еврейской самообороны...

Литература:

1. В огне гражданской войны. Из истории борьбы трудящихся Одесчины против объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, 1918 - ноябрь 1920 г. Сб. документов и материалов. - Одесса, 1962.

2. Николаевский бюллетень. - Николаев. - 1919. 18 августа (№4).

3. Одесский листок. - Одесса. - 1919. - 15/28 августа.

4. Одесский листок. - Одесса. - 1919. - 13/26 августа.

5. Одесские новости. - Одесса. - 1919. - 8/31 августа.

6. Долгополов А. Добровольческие десанты в Азовском и Черных морях // Вестник первопроходника. Апрель-май 1967. №67-68; Крымский конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк // Возрождённые полки Русской армии в белой борьбе на Юге России. - М.: Центрполиграф, 2002. - С. 229-302;

7. Данске А. С. Десантная операция в районе Одессы 10 — 11 августа 1919 года // Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). - М.: Посев, 2009. — С. 541. — 636 с.

8. Петроградские уланы в гражданской войне на Юге России. Первопоходник № 6 — 7 за 1972 год.

9. Одесский листок. - Одесса. - 1919. - 14/27 августа.

10. Нюренберг А. Отступление. - с. 338-342 // Где обрывается Россия. Одесса, Оптимум. 2002

11. Одесский листок. - Одесса. - 1919. - 24 августа.

12. Одесский листок. - Одесса. - 1919. - 12/25 августа.

13. Одесский листок. - Одесса. - 1919. - 19/1 сентября.

14. Одесские новости- Одесса. - 1919. - 15/28 августа.

15. Шкляев И. Н. История Одесской Губчек. 1917-1922 гг. - Одесса, 2002.

16. Одесские новости. - Одесса. - 1919. - 21 августа/ 3 сентября.

17. Одесские новости. - Одесса. - 1919. - 13/26 августа.

18. Одесские новости. - Одесса. - 1919. - 12/25 августа.

19. Одесский мартиролог. - Одесса, Т. 3.

20. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917-1921 годах. - М. Л. Госизд. 1925.

21. Лекишвили С. В застенках у белых и желтых (из истории

гражданской войны на Одесчине). - Тифлис. 1930.

22. Савченко В. Экспорт революции// Корреспондент. - К., - 2010.- 17 сентября. - с. 62-64.

23. Одесские новости. - Одесса. - 1919. - 12/25 августа; 15/28 августа.

24. Конвалов. Схватка у Черного моря. - Одесса. - С. 68, История гражданской войны в СССР. Т. 4. - С.230.

25. Ратьковский И. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917-1920 гг.). - М.: Алгоритм. 2017. - 464 с.

26. Погорілий І. Робітничий рух в Одесі за денікінщини (23 серпня 1919 р. - 8 лютого 1920 р.) // Літопис революції. - Харків, - 1931. - № 3. - С. 61 - 84.

27. Рубцов И. И. Петроградские уланы в гражданской войне на Юге России // Первоходник. 1972, № 6 - 7

28. Історія міст і сіл Української РСР: Одеська область. міст і сіл Української РСР: В 26 т. Одеська область / Ред. кол. тому: Гладка Л. В. (голова), Ануфрієв Л. О. (заст.), Цвілюк С. А. (відп. секр.), та ін. - К.: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1969. - 930 с.

29. Цвілюк С. А. Одеса революційна. Хроніка подій в період громадянської війни та іноземної воєнної інтервенції (1918 - лютий 1920 рр.). - Одеса, Маяк, 1972. - 252 с.

30. Одесские новости. - Одесса. - 1919. - 15/28 августа.

31. Устами Буниных. Т. I. Франкфурт-на-Майне, 1977.

32. Одесские новости. - Одесса. - 1919. -14/27 августа.